

УДК 930(470)(476):94(476)''18/19''

В. Н. Сергеев, ассистент (БГТУ); **П. С. Крючек**, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)

ОБРАЗ БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУСОВ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вторая половина XIX века – это период становления белорусской исторической науки, который проходил в сложных и противоречивых исторических условиях. Специфику развития белорусской историографии указанного периода в значительной степени определял не столько исследовательский интерес научного сообщества, сколько политические задачи, стоящие перед руководством Российской империи. Под влиянием указанных факторов сформировались три основных течения исторической науки, с характерными подходами к оценке белорусских истории и культуры. Характеристике целей и принципов каждого из них посвящена данная статья.

The second part of the 19th century is the period when Belorussian historical studies were formed under the influence of hard and contradictory historical conditions. The main features of the Belorussian historiography were mostly defined not by the research interest of the scientific community but by the political aims described by the authorities of the Russian Empire. Three branches of the historical studies were created with their own view on the Belorussian history and culture under the influence of these factors. This article covers the characteristics of each branch which also includes their approaches and aims.

Введение. Вторая половина XIX века – это период становления белорусской исторической науки. Этот процесс проходил в сложных и противоречивых исторических условиях. Специфику развития белорусской историографии указанного периода в значительной степени определял не столько исследовательский интерес научного сообщества, сколько политические задачи, стоящие перед руководством Российской империи, которое стремилось к нейтрализации польского влияния на белорусских землях. Особенно небывалый до этого интерес к белорусской тематике вызвали события 1863–1864 годов. В результате именно в этот период и происходит, по существу, формирование белорусской исторической науки. Это проявилось не только в расширении круга исследуемых проблем, но и в фактическом оформлении трех основных направлений в историографии – официально-консервативного, либерального и демократического.

Основная часть. Первыми к изучению истории Беларуси обратились представители официально-консервативного направления, которое занимало ведущие позиции в историографии второй половины XIX – начала XX века. Именно историками этого направления при непосредственном содействии российских властей была сформулирована концепция западноруссизма. Идеологи западноруссизма подчеркивали, что белорусы являются не самостоятельным славянским народом, а западной ветвью «единого русского народа» наряду с «великороссами» и «малороссами». Поэтому Беларусь должна рассматриваться как составная часть единой России, ее западный край. Поэтому перед историками была поставлена задача обоснованно доказать, что «западный

край является исконно русским, однако совращенным узурпаторами-поляками» [1, с. 92].

Сразу же после подавления восстания под эгидой Министерства внутренних дел и военного ведомства было издано несколько работ, посвященных истории «Западной России». Эти работы, основанные на данных, полученных от МВД, носили явно пропагандистский характер и имели своей целью дать «исторический ответ запросам и версиям западноевропейской дипломатии и прессы». Поэтому вполне естественно, что концепция истории края, представленная в этих работах, полностью совпадала с правительственной версией. Беларусь в них изображался как край, который веками пребывал под «иноверным и иноплеменным владычеством» и только в результате включения в состав Российской империи вернулся к своим историческим корням.

Широкое распространение белорусская тематика получила в 60–70-е гг. XIX века и в официальной печати. Особенной активностью в этом плане отличались представители российской славянофильства. В частности, И. С. Аксаков провозгласил в качестве важнейшей цели российской интеллигенции «нравственное завоевание западного края России» [2]. В качестве главного эксперта по истории западной России славянофилы пригласили профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, который выступил с призывом к издателям газет и журналов публиковать на своих страницах материалы об истории и этнографии «Западной России». При этом все, кто по каким-либо причинам не желал участвовать в срежесированной властями антипольской пропаганде, объявлялись «предателями и изменниками России» [3, с. 88].

В своих работах М. О. Коялович отмечал, что в противовес польской истории, отличающейся насилием и религиозной нетерпимостью, западнорусская историческая жизнь есть жизнь простого народа, отстаивающего свою народность и веру и ищущего свободного их развития, есть история демократизма, ищущего свою родную аристократию (т. е. русскую православную аристократию). Эта же теория мирного сосуществования различных сословий в русской жизни в противовес западной, выдвинутая еще сторонниками теории официальной народности, поддерживалась Д. И. Иловайским, П. Д. Брянцевым.

Официальная историография исходила из славянофильского тезиса об извечной борьбе католичества и православия, о невозможности принятия славянскими народами как протестантизма – поляками, так и русскими – католичества, даже в форме униатства.

Позиция М. Кояловича о православии как смысле жизни белорусов и русских и возможности принятия одной только веры – православия была общей для консервативной историографии. Так, Н. Я. Данилевский писал, что для славян православная религия составляет смысл жизни. Терпимость, свойственная православно-церкви, составляла отличительную особенность России в самые грубые времена. Эта черта славянского характера, по Данилевскому, сохранилась даже у славян, принявших вследствие германского насилия католичество. Они, утверждал он, никогда не проявляли религиозной нетерпимости: «...только терпели, а не сами заставляли терпеть». Одно только, считал Данилевский, было исключение – «...поляки, они представляют действительное и гнусное исключение. Насильственность и нетерпимость отметили характер их истории» [4, с. 188].

Именно такие аргументы были характерными для подхода к истории славян для русской консервативной славянофильской историографии, и во многом они оказали в какой-то степени влияние и на либеральную историографию. Русская как консервативная, так и либеральная историография исходила из тезиса о постоянной цивилизационной вражде западных и восточных начал, и прежде всего по конфессиональной причине в Речи Посполитой.

Как существенный элемент этноконфессионального образа Беларуси, а вместе с тем и препятствие для возрождения белорусов М. Коялович рассматривал евреев. Здесь его антисемитские позиции наиболее близки к взглядам Д. И. Иловайского, а впоследствии – к «Союзу русского народа». Евреи, утверждал М. Коялович, сыграли негативную роль в жизни русского (белорусского) народа как во времена

Речи Посполитой, так и после присоединения Белоруссии к России. Он соглашался с мнением наиболее консервативной части русского общества, которая утверждала, что только Восточная Россия (то есть Москва) способна ассимилировать в себя «жидовство», и поэтому призывал к переселению евреев с территории Белоруссии в Россию для добра белорусского народа. В целом же, по мнению М. Кояловича, русские задачи в Западной России – это «спасти русский и литовский народы Западной России от польской шляхты и еврейства и оправдать свое историческое призвание перед славянами» [5, с. 393].

Такая концепция исторического прошлого белорусского народа была подвергнута критике в конце XIX – начале XX вв. в работах историков либерального направления. Надо отметить, что по сравнению с Россией и Украиной либеральное направление в белорусской историографии представлено менее ярко. Это было связано, прежде всего, с тем, что в Беларуси отсутствовали свои научные и университетские центры, в которых и преобладает, в основном, либеральная интеллигенция. Поэтому большинство белорусских историков были вынуждены работать за пределами края – в университетских центрах Российской империи. Среди таких ученых либерального направления можно назвать, прежде всего, Я. Карского и М. Любавского.

Обстоятельные историко-филологические исследования позволили Е. Карскому обратиться к решению проблемы этногенеза белорусского народа. Особое место в этом смысле занимает трехтомный труд ученого «Белорусы» – фундаментальное исследование по истории белорусского языка и литературы. Эта работа базировалась на большом количестве письменных и этнографических источников, что дало ученому возможность точно определить территориальные границы распространения белорусского языка, а это в свою очередь позволило составить карту расселения белорусского этноса. В первом томе своей работы Е. Карский приходит к выводу, что уже к XIV в. на основе древнерусских племен кривичей, дреговичей и радимичей сформировалась белорусская народность, а белорусский язык является не диалектом русского или польского языков, а самостоятельным славянским языком со своими фонетическими и грамматическими особенностями [6, с. 112].

Наиболее сильный удар по «западнорусистской» версии истории Беларуси нанесли работы российского либерального историка М. Любавского, большинство научных работ которого посвящены исследованию различных аспектов белорусской истории. Историк выделил четыре периода в белорусской истории:

1. Киевский (IX–XII вв.); 2. Литовский (XIII–сер. XVI в.); 3. Польско-литовский (вторая половина XVII–XVIII вв.); 4. Русский (XIX–нач. XX в.). Как видно, за критерий своей периодизации историк взял фактор вхождения белорусских земель в состав того или иного государства.

Родоначальником белорусов ученый считал восточнославянское племя кривичей, которое населяло бассейны Западной Двины и верховье Днепра. Зачатки белорусской государственности историк видел в Полоцком княжестве. Он отмечал, что полоцкие князья всегда являлись заклетыми врагами Киева и стремились к полной независимости от него. Истоки этого сепаратизма М. Любавский видел в настроениях самого населения Полоцкой земли, которые имели свои собственные экономические и торговые интересы и в связи с этим не желали считаться с интересами остальной Руси.

Основное внимание М. Любавский уделял исследованию истории Великого Княжества Литовского. По мнению ученого, ВКЛ являлось государством не просто литовским, а литовско-русским. При этом под термином «русский» ученый понимал тот славянский элемент, который проживал на территории современной Беларуси и Украины и в дальнейшем стал основой для формирования белорусской и украинской народностей [7, с. 1].

М. Любавский подчеркивал, что история ВКЛ являлась непосредственным продолжением истории Киевской Руси, так как литовско-русское государство сохранило гораздо больше традиций и черт Киевского периода, чем Русь Владимиро-Суздальская, которая строила свою жизнь на совершенно иных началах, сложившихся под влиянием монголо-татарского нашествия.

Историк рассматривал образование ВКЛ как своеобразное возрождение Киевской Руси, восстановление нарушенного единства. Как собирательница русских земель ВКЛ более чем на сто лет опередила Московское государство [7, с. 37]. Такие выводы не совпадали с взглядами официальных российских историков, которые утверждали, что только Московское государство стало законным наследником традиций Киевской Руси.

Анализируя социально-политические системы ВКЛ и Московского государства, М. Любавский пришел к выводу, что они развивались в противоположных направлениях. Московское государство развивалось в направлении монархического абсолютизма и административного централизма. В результате оно приобрело форму наследственной и неограниченной монархии с сильным центральным аппаратом. ВКЛ в свою

очередь развивалось в направлении конституционализма и федерализма. Его политическая система приобрела форму выборной монархии, ограниченной Радой и Сеймом. При этом местное управление играло в ВКЛ значительную роль и имело черты автономии.

Таким образом, в работах историков либерального направления впервые была опровергнута официально-клерикальная концепция истории Беларуси. Позднее эти идеи получили свое дальнейшее развитие в трудах представителей национально-демократического направления в белорусской историографии, яркими представителями которого являлись М. Довнар-Запольский и В. Ластовский.

Первые исторические публикации М. Довнар-Запольского появились в 1888 году в газете «Минский листок». Это был цикл статей под общим названием «Белорусское прошлое». В своих статьях ученый подчеркивал, что белорусы являются самостоятельным славянским народом со своей самобытной историей. Поэтому этот народ, который не утратил свою самобытность, должен снова выйти на арену политической и культурной жизни. Главную задачу в этом направлении М. Довнар-Запольский видел в развитии исторических знаний о прошлом и настоящем Беларуси. В то время, когда соседние народы уже стали на путь национального возрождения и выдвинули целый ряд известных деятелей, которые обосновали их права на самостоятельное существование, история и этнография Беларуси оставались почти не изученными. Это привело к такой ситуации, что в 80-е гг. XX в. поляки считали Беларусь Польшей, русские – Россией, и даже украинцы в некоторых своих работах «признали белорусов почти малорусами» [8, с. 36]. Поэтому М. Довнар-Запольский призывал в своих статьях создать в Беларуси научное общество и широко изучать все стороны культуры и быта белорусского народа. В первую очередь было необходимо организовать специальное издание, посвященное Беларуси. Таким изданием стал «Календарь Северо-Западного края», который выходил в 1889 и 1890 гг. под редакцией М. Довнар-Запольского. Главная цель издания – распространять в обществе истинные сведения о Беларуси на основе науки. Поэтому в «Календаре» печатались статьи по истории, этнографии, статистике и экономическом состоянии Беларуси. Беларусь в этих работах рассматривалась как край, совершенно отличающийся от соседей как в историческом, так и в этнографическом плане. Эти идеи проводились в очень осторожной форме, минуя цензурные запреты. Тем самым благодаря легальности издания оно было широко известно в обществе и сыграло важную

роль в формировании мировоззрения будущих деятелей белорусского возрождения.

Большое внимание М. Довнар-Запольский уделял изучению различных аспектов политической, социально-экономической и культурной истории Великого Княжества Литовского. То, что в состав ВКЛ вошли более развитые в политическом и культурном плане белорусские земли, наложила свой отпечаток на социальную структуру и политическое устройство всего государства, способствовало становлению его федеративного строя.

Значительное внимание М. Довнар-Запольский уделял национально-религиозному вопросу в ВКЛ. По его мнению, на первом этапе существования этого государства славянский культурный элемент играл в нем ведущую роль. Более развитые система права, язык и религия белорусских княжеств распространялись и на литовские земли. Но после заключения Кревской унии ситуация изменилась. Уния открыла путь в княжество католичеству, что положило начало многовековому религиозному противостоянию в государстве. Особенно обострилась это противостояние после заключения Люблинской и Брестской уний, которые М. Довнар-Запольский считал одними из самых больших поражений, нанесенных белорусскому народу [8, с. 95]. Этой ситуацией в дальнейшем и воспользовалась Россия, взявшая на себя дело защиты прав православного населения Речи Посполитой, и в итоге присоединила белорусские и украинские земли к себе. М. Довнар-Запольский подчеркивал, что включение белорусских земель в состав Российской империи не принесло свободы и счастья белорусскому народу. Полонизация сменилась политикой русификации, а за белорусским народом по-прежнему не признавалось право на самостоятельное существование. Поэтому М. Довнар-Запольский и другие представители национально-демократического направления в белорусской историографии видели своим долгом популяризацию объективной истории белорусского народа, что должно стать основой для будущего культурного и национального возрождения Беларуси.

Тем не менее, теория западнорусизма не была сдана в архив и в начале XX в. Причиной ее идеологической и политической живучести была заинтересованность в ней правящих кругов России, для которых такая версия истории Беларуси давала наукообразную аргументацию,

обосновывающую присоединение этих земель к Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой. Уже накануне первой мировой войны минский губернатор Гирс в докладной записке на имя министра внутренних дел писал, что «прошлое Белоруссии представляет собой богатый материал для воспитания русского патриотического чувства, для воспитания любви и преданности к России и русским Самодержцам, спасшим белорусское племя от окончательного поглощения поляками [6, с. 101].

Поэтому концепция М. Кояловича и его последователей являлась господствующей в дооктябрьский период развития белорусской историографии.

Заключение. Таким образом, включение белорусских земель в состав Российской империи способствовало активизации научных исследований прошлого Беларуси и белорусов. В результате, несмотря на неблагоприятные условия (сдерживающая политика имперских властей, сильное влияние польской культуры, отсутствие собственных университетских центров, незавершение процесса формирования белорусской нации и др.), с помощью российской либеральной и университетской исторической науки в начале XX в. произошел процесс формирования белорусской исторической науки.

Литература

1. Карев Д. В. Западнорусизм и его представители // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1. Гродно, 2009. № 2. С. 90–102.
2. Московские ведомости. 1864. № 126.
3. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / оставил и издал С. Шолкович. Вильно, 1867. 234 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1871. 321 с.
5. Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. СПб., 1864. 393 с.
6. Карский Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Т. 1. Варшава, 1903. 324 с.
7. Любавский М. К. Очерки истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. 278 с.
8. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Киев, 1909. 307 с.

Поступила 15.03.2014